

22-го июля 1904 г.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Четвергъ, 22-го іюля 1904 г.

РУССКІЙ ЛІСТОКЪ

№ 201

Ежедневная газета безъ предварительной цензуры.

ТЕЛЕФОНЪ РЕДАКЦІИ № 738.

Редакція и контора: Москва. Мясницкая ул. д. № 20 (наслѣдн. Ананова).

ТЕЛЕФОНЪ ТИПОГРАФІИ № 738

Танса объявленій:
За строку платятъ или за
мѣсто, занимаемое ею — 10 к.
на 1-й страницѣ, 20 к. на 4-й,
среди текста газеты — 1 руб.

Редакція для личн. объя-
веній открыта отъ 3—5 ч. дня

Телефонъ редактора № 101.

А. П. ЧЕХОВЪ.

(Воспоминанія *).

Я долженъ былъ уѣхать изъ Москвы и поселиться въ К. и два года не видѣлся съ Чеховымъ. За это время здоровье его сильно пошатнулось, и въ концѣ декабря 1902 г. онъ писалъ:

«К., вѣроятно, скучнѣйшій изъ всѣхъ русскихъ городовъ, но все-же это лучше Крыма и Ялты, и потому позвольте поза-видовать вамъ. Я цѣлый мѣсяцъ былъ нездоровъ, шла кровь горломъ, ослабѣлъ. Теперь, повидимому, дѣло пошло на поправку».

Въ концѣ прошлаго года я видѣлся съ Антономъ Павловичемъ въ послѣдній разъ.

Я нашелъ, что онъ сильно постарѣлъ и какъ-то осунулся.

— Какъ вы себя чувствуете? — спросилъ я.

— Скверно. Надо скорѣе бѣжать за границу, а денегъ совсѣмъ нѣтъ. Отъ марксовскихъ 75 тысячъ осталось одно непріятное воспоминаніе... Да, вы были когда-то правы: надо было самому издавать сочиненія!.. Но развѣ я могъ предполагать, что протяну еще пять лѣтъ?.. Тогда 75 тысячъ казались мнѣ неисчерпаемымъ богатствомъ... Теперь, если-бы не гонораръ за пьесы, мнѣ совсѣмъ нечего было-бы ѣсть!.. А, знаете, меня считаютъ богатѣйшимъ человѣкомъ; вотъ, сегодня я получилъ два письма: въ одномъ просятъ у меня взаймы 500 р., въ дру-

гомъ—750. Не правда-ли, злая иронія?.. Я никогда ни одного письма не оставлялъ безъ отвѣта, но на эти не отвѣчу; не то, чтобы мнѣ было стыдно сознаться въ своей бѣдности, а я увѣренъ, что этой бѣдности не повѣрятъ!..

Чеховъ говорилъ, сидя на диванѣ и сложивъ руки на колѣнахъ (его любимая поза во время бесѣды).

— «Вишневый садъ» тоже меня не радуетъ,—продолжалъ онъ съ грустью въ голосъ.—Не могу разобраться: или пьеса никуда не годится, или артисты меня не понимаютъ, или, наконецъ, они утомились послѣ «Юлія Цезаря» и не могутъ сосредоточиться. Такъ, какъ идетъ у нихъ пьеса теперь, «Вишневый садъ» ставить нельзя.

Антонъ Павловичъ часто останавливался на полусловѣ, задумывался, и хотя прекрасная, одному ему свойственная, улыбка изрѣдка озаряла его лицо, но это была уже грустная улыбка, которая быстро исчезала, и на смѣну ей между бровями появлялась новая складка, указывавшая на то, что этотъ человѣкъ или сильно страдаетъ, или думаетъ о чемъ-нибудь очень важномъ...

Это послѣднее свиданіе произвело на меня тяжелое впечатлѣніе.

Замѣчательныя черты въ характерѣ Чехова были: рѣдкая для нашего черстваго во всѣхъ отношеніяхъ времени — доброта и скромность.

Вотъ ужъ, правда, человѣкъ, который исключительно жилъ для другихъ!

Студентомъ онъ бѣгалъ по урокамъ, писалъ рассказы, самъ платилъ за право слушанія лекцій и еще помагалъ своимъ роднымъ. И затѣмъ, когда его талантъ былъ уже признанъ, онъ опять-таки все отдавалъ своимъ близкимъ, а на себя тратилъ гроши.

Чеховъ очень любилъ свое «Мелихово», но тамъ отъ несчастнаго случая (кажется, понесли лошади) скончался его отецъ. Матери и самому Антону Павловичу было слишкомъ грустно оставаться въ имѣніи. «Мелихово» продали. Здоровье Чехова становилось все хуже и хуже. Какъ разъ въ это время былъ заключенъ договоръ съ Марксомъ, у Чехова появились деньги: онъ купилъ дачу въ Крыму.

Произведенный въ генералы отъ литературы, Антонъ Павловичъ до самой смерти оставался милымъ, симпатичнымъ добрякомъ: не было ни одного начинающаго литератора или журналиста, которому онъ не помогъ. Онъ снабжалъ ихъ рекомендательными письмами, хлопоталъ за нихъ у редакторовъ и издателей, и, когда произведеніе было напечатано, онъ ликовалъ.

*) Окончаніе. См. Русск. Лист. № 200.

Обладая идеально-добрымъ сердцемъ, Чеховъ всегда находилъ доброе сердце и у своего ближняго.

Рекомендуя начинающаго, онъ неизмѣнно писалъ:

«...Это очень хорошій и добрый человекъ...»

Отказывая себѣ подчасъ даже въ необходимомъ, Антонъ Павловичъ не торопился написать какой-нибудь рассказъ и послать его въ любую редакцію, хотя отлично зналъ, что все, что-бы онъ ни написалъ, будетъ тотчасъ напечатано.

Замѣчательно и безкорыстіе Антона Павловича. Чеховскій рассказъ, напечатанный въ «Ежемесячныхъ литературныхъ приложеніяхъ къ *Низу*», оплачивался по 1,000 руб. за печатный листъ. Тѣмъ не менѣе, онъ отдавалъ свои произведенія и въ другія изданія, потому что онъ считалъ своимъ долгомъ выполнить обязательство передъ подписчиками: его имя стояло въ числѣ сотрудниковъ, слѣдовательно въ теченіе года онъ долженъ былъ что-нибудь написать.

И послѣдній его рассказъ по этимъ соображеніямъ былъ напечатанъ въ *Журналъ для всѣхъ*, гдѣ ему платили не 1,000, а 500 рублей. А лишніе 500 руб., ахъ, какъ они были нужны Антону Павловичу!..

Вспоминаю и такой случай.

Къ Чехову пріѣхалъ при мнѣ редакторъ молодого журнала.

— Антонъ Павловичъ, спасите: журналъ погибаетъ, денегъ нѣтъ.

— Я самъ погибаю, у меня тоже денегъ нѣтъ,—отвѣчалъ Чеховъ.

— Ради Бога, дайте мнѣ маленькій рассказъ. Онъ спасетъ мой журналъ.

Антонъ Павловичъ задумался.

— Гм!.. У меня готовъ рассказъ, но я ужъ его обѣщалъ... Впрочемъ, возьмите...

— Господи!.. Антонъ Павловичъ!..— радостно воскликнулъ редакторъ.— Спасибо, отъ души спасибо!..

— Не за что, не за что... Буду очень радъ, если, дѣйствительно, помогу вамъ.

— А ваши условія?

— Отъ этого увольте. Что можете—заплатите. Если денегъ у васъ сейчасъ нѣтъ, я подожду.

— 250?..—верѣшительно проговорилъ редакторъ.

— За глаза довольно.

— Вотъ-съ, извольте.

Когда редакторъ, разсыпавшійся въ благодарностяхъ, ушелъ, я не могъ удержаться и сказалъ:

— Это Богъ знаетъ, что такое!.. Вамъ

дорога каждая копейка, вы хотѣли послать рассказъ Марксу и вмѣсто тысячи берете 250 рублей!

— Ну, полно!... — проговорилъ Чеховъ.— Развѣ вы не слышали, что и у него дѣла плохи. Не погибать-же намъ вмѣстѣ...

Я поклонился могилѣ моего дорогого, незабвеннаго учителя, и здѣсь, на кладбищѣ, мнѣ вспомнились его слова:

«Здѣсь нѣтъ жизни, нѣтъ и нѣтъ, но въ каждомъ темномъ тополѣ, въ каждой могилѣ чувствуется присутствіе тайны, обѣщающей жизнь тихую, прекрасную, вѣчную. Отъ плитъ и увядшихъ цвѣтовъ, вмѣстѣ съ осеннимъ запахомъ листьевъ, вѣетъ прощеніемъ, печалью и покоемъ»...

Язонъ.